

Борис Останин

П У Н К Т И Р Ы
• • • • •

ОТРЫВКИ ИЗ Е- ОЙ ТЕТРАДИ

Моя жизнь похожа на монотонную мусульманскую мелодию: так же длинна, протяжна и однообразна, так же направлена из одиночества пустыни к одиночеству Бога.

Хор в два голоса.

Обычное желание : начать новую жизнь. Не лучше ли начать жизнь старую?

Год за годом "топчусь на одном месте". Даже так: "ворочаюсь с боку на бок". И не хочу другого.

Чтобы жить своей эпохой, необходимо, чтобы и она жила тобой. Но если время тебе чуждо: наберись смелости- стань чуждым времени.

Безделие -протест. Против чего? Против дела , лишённого смысла.

Ну зачем тебе "общество", "прогресс", "светлое будущее"? Разве мало вокруг птиц, собак, листьев?

Европа - анфилада приоткрытых дверей.

Самое главное: не хочу спасения. А если хочу, то лишь изредка, "для отдыха".

Время змеей кольцует человека и сжимает и сжимает... покуда не удушит совсем.

Метафора - след Дон-Жуана в поэзии.

Среди нынешнего "прогресса" совсем неплохо оказаться реакционером.

Сквозь закоптелое окно памяти вглядываюсь в прошлое: тусклый свет, мутные тени, непонятное движение...

Есть изнутри крикливые люди: даже когда шепчут- все равно кричат!

Никакого желания сверять себя с другими: лучше ли? хуже? Оригинален или "такой как все?" И так хорошо.

Не культуры хочется, а душевности. Очень хочется. До зубной боли.

Играют в "Спасителя": кого бы еще спасти? И уже не могут не спасать.

Вера- кровь; литература- моча. Вера- "нутряная", литературе надобен "выход".

Судьбы А. Бенуа и Н. Рериха показательны как эпигонско-эмигрантское завершение раскола русской мысли на "западную" и "восточную".

Бесов не убивают, а изгоняют.
/о современности/

"Чем пасмурнее мир, тем Божий лик светлее..." Но почему?

Свободен ли я? Не принимаю ли за свободу свою опустошенность?

Значение американской культуры раздуто апологетами Америки. То же верно по отношению к Риму. И Америка, и Рим лишены самого важного, без чего невозможна культура: "искры Божьей".

Куда нам "восточная мудрость"? И от западной не знаем куда деться!

Глядящий в небо видит немногое; но немногое это велико.

Пахут, да не сеют. Все ждут: не занесет ли ветер семена, не взойдут ли они сами?

Легко создать идеологию "для всех остальных", куда труднее устроить свою собственную жизнь.

Бог мой - мрак мой.

Что делать нынче человеку, тяготеющему к делу? Неужто идти "в службу"?

Центральная фигура немецкой культуры— человек трезвый /ученый, инженер, рабочий, капиталист, моралист, бюргер, чиновник/. А пьяный— "вынесен за скобки".

Не надо мне рая, только оставьте меня в покое!

Китайцы едят бамбуковыми палочками; европейцы и за обеденным столом устраивают сражения /нож, вилка/.

Варвары не иссякли— культура еще возможна.

Не хочется никого поучать. Но ведь если не поучать добру, кто-то возьмется поучать злу!

Ты— немой. Узнай это, и живи с этим.

Наша социальность, в конечном счете, лишь совместное чаепитие. И разговоры за чаем. Приятно, конечно, но "стоит ли преувеличивать"?

Поджечь сети. Поджечь сети. Поджечь сети.

Легко отказаться от мировоззрения, когда оно есть. Когда нет— еще легче.

Мне всегда жаль людей, которых недооценивают, и всегда хочется восстановить их "в правах". Порой даже до глупости: Гегель, Гегель, Гегель... А почему не Пришвин? Очень обидно, что все Гегель да Гегель, а Пришвин— совсем нет. И хочется, чтобы хоть ненадолго: Пришвин, Пришвин... а Гегель "вдруг все забыли".

Все сидел и сидел, читал книгу. Но оказалось: спал. Похрапывая.

Безглазые глаза мраморных греков.

Научились строить "лучшие миры": отцы строили, и дети будут строить, и внуки. А как жить в мире, пусть даже не лучшим, забыли...

Фундамент моего бытия непрочен, но и выдержать ему надо лишь одного.

Переверни себя. Рычаг- весь мир.

Требуют "свободы для всех", хотя всем свобода совершенно не нужна, и даже большинству не нужна. Что принесет "свобода для всех"? Разве что "окна побьют", а то и вовсе- "дом спалят"...

~~Требуют~~ Благоговение... Все хорошо, но слог каков: ла-го-го! Слог все портит.

"Воздайте Богу Богово, а кесарю кесарево". И воздали: Богу- кесарево, кесарю- Богово.

/византийская религия/.

Моя жизнь- песня. Песня, пропетая хриплым и неверным голосом.

Не истина важна, а правдивость: истина задевает нас только извне, правдивость идет изнутри.

Стоит ли "разоблачать" хороших людей? Ведь их и так мало.

Национальный дух тесно связан не только с языком, но даже с алфавитом. Удивительна проницательность Петра I, заменившего русский алфавит на "средне-европейский".

Глубоко верить можно лишь в порожденное собой. Но оно же внушает наибольшие сомнения. Таково творчество.

Коридор с запасными выходами. "На всякий случай".

/мое мышление/

Нигде не лучше, ничто не лучше, никак не лучше.

Не люблю театр за его преднамеренность. Трудно поверить, что он возник из "оргастического разгула".

Где кончается истина, там начинаются правила игры.

Европеец учительствует не потому, что ребенка надо научить, а потому, что при этом "лицо важное имеет", а то и "розги можно применить". После отмены розг мужчины идут в школу неохотно: перебрались кто в армию, кто в тайную полицию /там розги дозволены/, а школу оставили женщинам.

Сыновья не лучше нас, нередко даже хуже. Не будем на них надеяться, но в редкой удаче сыновей усмотрим подарок и возрадуемся.

Жизнь внезапна.

Узнав о моей "борьбе за свободу", кто-то, умный и понимающий, качнет головой: "Да-да... и это необходимо... и это входит в общий мировой план..." Так и вцепился бы ему в горло!

Человек завистлив к чужому, особому счастью, и каждого обособленного счастливица готов упрятать в сумасшедший дом. Другое дело, когда счастье "всеобщее".

Дар гарантирует спасение. Как редки люди, отказавшиеся от дара!

Откуда моя медлительность? Оттуда же, откуда желание: сперва уверовать, после молиться— но не наоборот.

Цветы тоже живы, цветы тоже боятся смерти!

Страстное мое желание: потратить себя зря.

Два зеркала, поставленные друг против друга— главное изобретение фаустовского гения, начало Нового времени.

Чем мельче тварь, тем чаще бьет крылом.

"Лень додумать", "не знаю толком", "связности не хватает"— таково мое дилетанство. Чем, однако, не философия? Конечно, "без видов на успех", но не в этом ли ее сила?

Язык сомнения косноязычен.

Словно сел в ночной дребезжащий трамвай и еду, еду... и такая усталость вдруг навалила, что нет сил подняться... вот и сижу, и еду, еду... без конца, без конца...

/моя жизнь/

Ах, смысл, смысл! Готов и красоту за тебя отдать.

Вместо "закономерность" и "случайность" скажи: преднамеренность и неожиданность— и все осветится сразу другим светом, и многое для тебя прояснится.

Жду чуда, а в чудо не верю.

Человек— "мыслящий тростник", однако и это его не спасает!

Селятся кучно, дом к дому, с давних пор, хотя и знают, что с дома на дом бегут частые пожары и болезни— и все равно дом на дом теснят... и нет, кажется, для них страшнее дома, чем дом одинокий, дом на отшибе.

/о русских/

Каких только страстей не наговорит интеллигент за столом! Но бояться его ни в коем случае не стоит: слова это все, одни слова.

Жизнь утратила свой накал, но вот что странно: ее ценят и берегут, как никогда прежде.

Исторические материалы— фальсификатор истории, и потому к истории приходится пробиваться "сквозь" материал. Хороший историк— профессионал интуиции.

И снова вернемся домой.

Бог с ней, с истиной-то... вот жизнь как прожить?

Тщеславие есть социальная форма эгоизма.

Привыкший к мертвому не замечает живого; хуже того: живое обращает в мертвое. Не зря христианство запрещало врачам возиться с трупами.

Под тонкой кожицей политических и исторических событий неведомо и полно пульсирует "кровь брахманическая". И этим пульсом определяются фазы и циклы человеческой истории и сознания.

И ни одного дела, ни одной мысли, ни одной фразы не доведено до точки...

/о себе/

Свобода относительна, но не следует преуменьшать ее возможности. Мы привыкли оправдывать "гнетом необходимости" свою слабость, лень и усталость.

Поза утомляет.

В округлой церкви и стрельчатой колокольне- сопоставленные Россией Восток и Запад.

Пишу коротко и обрывисто. Почему? Потому что "ни для кого".

Человек редко радуется успеху другого. Почти никогда не радуется- разве что когда этого другого любит. Но когда любит, разве он- "другой"?

Настоящее удовольствие доставляют мне только "нежданные" мысли. Но как они редки!

"Как по нотам". Самое нелюбимое.

Мое давнишнее желание: свернуть горло европейскому духу. Однако он меня опередил.

Море не исчерпать ложкой, как не исчерпать ложкой и мельчайшей капельки, искрящейся в трещине камня. Величие великого очевидно, труднее постичь величие малого.

Мне по душе молодые идеалисты, но всегда хочется заглянуть в их жизнь лет на 10-15 вперед: что-то с ними станет? И сразу становится грустно.

Любовь к отцу не есть доподлинное чувство. Любить можно только ребенка.

Пресловутое славянское желание "пострадать"...

Дети боятся читать "Гулливера в стране великанов", а когда слушают пластинку, затыкают уши в страшных местах. Но "Гулливер в стране лилипутов" — их любимая книга. Хотя, казалось бы, какая разница: большой среди маленьких или маленький среди больших?

Тридцать томов Гегеля и три строчки Басе. Что перевесит?

$2 \times 2 = 4$. Не понимаю /хотя раньше понимал/: смешно это, или идиотично, очевидно или очень глубоко? Скорее всего, $2 \times 2 = 4$ мне совершенно безразлично.

С какой страстностью воспринимают люди случайные и условные формы, будь то одежда или автомобиль. В чем секрет этой страстности?

Видение Богородицы есть видение собственной религиозности. Русским святым не зря являлась Богородица, а не Бог.

Есть жизни, похожие на сборники цитат.

Мысль, переданная точно, удваивает рассказчика в слушателе; неточная мысль, напротив, порождает мысли новые. Таким образом, все зависит от того, чего нам больше хочется: подчинить слушателя или побудить его к мышлению?

Книги — лишь убежище, и мысли — лишь убежище, и дела — лишь убежище...

Что являю я своей свободой? Ничего. Кому она нужна? Никому. А мне самому? Тоже не нужна. И все-таки- я с ней. "Жалко расставаться".

Когда же, наконец, мы научимся видеть в одиночестве награду, а не наказание?

Все больше и больше времени проводим "где-то", "мимоходом", "по пути"... и даже домой возвращаемся "лишь поспать"... Повсюду успеваем- и нигде нас нет.

Случайный хаос пятен, отразившись в зеркалах дважды и трижды, образует правильные геометрические фигуры.

/о порядке/

Культура в целом носит игровой характер. Но эта игра стоит нам жизнью.

Обычно "духовным" называют то, что следует называть "книжным".

Не знаю, как жить без Бога, и все же живу. А может быть- не живу?

Идеальные представления о человеке, жизни и мире формируются в юности, то есть задолго до встречи с тем, другим и третьим.

Есть что-то ужасно смешное: в Л.Толстом, в его героях, в его последователях. Вот так же "ужасно смешен" был никогда не улыбающийся комик Б.Китон.

Мы любим жизнь в той степени, в какой любим женщину.

Мое отношение к желаниям: есть они- они есть, нет их- их нет.

Анонимность укрепляет культуру. Впрочем, истинная "крепь" культуры- религия; она и анонимность гарантирует: перед лицом Бога все люди анонимны /как свечи на ярком солнце/.

Возможный выход: Западо-Восток.

Люди привыкли видеть друг в друге должников и кредиторов.

"По образу и подобию Божьему..." И мы, отражения, -сидимся разглядеть в зеркале Божественный первообраз. Но: "Бога никтоже видит нигдеже..." Вот и домысливаем Его, кто как может.

Давайте вспоминать то, о чем никогда не знали.

Жизнь подобна танцу на болотной кочке: покуда на ней-жив и весел, чуть ступил в сторону- уже в трясине, уже нет тебя.

Мир /как и искусство, религия, общество, история/ необъясним, но зато его можно истолковывать.

Некому сказать, зато и нечего сказать.

Я зрею для "темы", которую мне не осилить. С этим и умру.

Привыкнув видеть в детях "наше будущее", мы забываем, что в них- наше прошлое.

Илья Муромец в 33 года только-только с печи встал; Христос "в его годы" уже был распят. У каждого "свои годы".

Христианин озабочен спасением и страшится, что спасен не будет. Но чем озабочен и чего боится экзистенциалист?

Я их не знаю, почему они меня знают?

Неподвижность вещей создает у человека иллюзию овладения временем.

Обычный способ "защиты и оправдания" социальной теории: теория-то хороша, да вот люди плохие, они все испортили. Хороша же теория, которая, претендуя на реализацию, не принимает во внимание людского зловредия и глупости!

Мои современники сидят в моей глотке, говорят моим голосом... Проклятье! Как же от них избавиться?

Хрупок дух, но и плоть хрупка не менее. Человек умирает, душа умирает... твердыня же одна- "звездное небо над головой".

Вещи, лишённые запаха, лишены своего лица. И все больше, все больше вокруг вещей без запаха...

Нашли новое занятие: читать книги. Откуда же взяться героям? Маньяки- да, идиоты- да, профессора- да... но герои?

Сквозь "покрывало знаков" прорваться к самим вещам. И никакой символики!

Гору красоты готов отдать порой за крошку смысла. А порой- наоборот.

Нирвана = отказ от всех зеркал.

Коллекционеру постоянно угрожает опасность превращения в обладателя. И наоборот: владелец всегда может превратиться в коллекционера. Не знаю, что хуже.

"Христос требовал не подчинения, а любви..." И опять эта требовательность!

До мифа была музыка. Миф- это и есть музыка. Музыка, обросшая словами.

Чему обучать сына? Не знаю. Все опасно, все может оказаться "не его". Но если ничему не обучать- обучит кто-то другой. И это будет еще хуже.

Всё немцы виноваты!

/о петербургской культуре/

Я ленив, неметодичен, "все руки не доходят" и вообще "подозрителен к духовности". Не в этом ли моя "основа"?

Покричим и помолчим.

Плох текст, чрезмерно увлекающий за собой читателя. В тексте непременно должны быть пропуски, недоговоренности, перебои, "белые пятна". В жизни- тоже.

Гермафродит как духовный идеал.

Цивилизация уже тем плоха, что все, чем она живет, "люди взяли и специально сделали". Вот это "специально" все и отравляет. Непременно захочется чего-нибудь "неспециального".

Бытие многообразно: человек кричит, говорит, шепчет, молчит...

И узря Тебя- не уверую; а уверовав- не узрю Тебя.

Мои записи- образец "вечного повторения": мысль топчется на месте, лексика неизменна, стиль постоянен. Да и сам я такой же.

Недостижимость утопий не спасает от ужасов их достижения.

Какой актер умер!

/на смерть Толстого/

Лишившееся почвы славянофильство можно возродить следующим ходом: усмотреть в нем лишь "верхний слой", а в глубине указать на "свет с Востока".

Слово= передышка духа.

Созерцая формы вокруг себя, я благодарен им за то, что они есть: сам я не смог бы их изобрести, ни даже воспроизвести.

Без Бога "все дозволено." Даже Бог дозволен.

Словно удав кролика, заглатывает человек свою молодость, и после, в неподвижности и полудреме, питается ей до самой смерти.

Законы изменяются, женщина остается прежней.

Европейская басня возникла как воображаемая расправа трусливого баснописца с ненавистным и сильным человеком. Лишь позднее она обрела "морализующие" черты.

Душа моя замерла: я перестал видеть сны.

Когда я в Боге нуждаюсь, появление Его всегда опасно и подозрительно: а вдруг это не Бог, а лишь моя нужда в нем?

Песнь возможна от полного дыхания, а возможна и от пере-
хваченного горла.

Из молодых идеалистов получаются хорошие солдаты.

"Страсть" человека — тот самый крючок, за который его без труда цепляют "власть имущие". Бывают времена, когда нравственно "мало хотеть" и даже "совсем не хотеть".

Язык = живая археология.

У русских не было "эпоса". Не в этом ли причина их "неприкаянности"?

Индия — настоящий океан, без дна, без края... "Индийский океан". Побаиваюсь я его бескрайности и бездонности. Сердцу моему милее негромкий прозрачный ручей, с камешками на дне, с рыбами и водорослями...

Ходят друг к другу на диссертации и панихиды.

/об ученых/

В основании Европы гораздо больше варварского, чем греческого, римского или христианского.

Люблю писателей "одной книги". Приятно знать, что они не только книги писали.

А ведь я был когда-то математиком... Даже не верится.

Европеец всякое дерево норовит обратить в столб: "при-

ятнее для взгляда", "проще", "не так страшно"...

Выпадение из социальности: отшельник в Риме, юродивый в Москве.

"Врач прописал", "на фабрике сделали", "в книге прочел"... и все реже и реже: сам придумал!

Какие-то нелепые, ехидные, болтливые придворные и мещане /Вольтер, Руссо и К^о/... И это - "лучшие философы Нового времени"!

Не я - во времени, а время - во мне: зеленеет, краснеет, желтеет...

Современность изломала Бога: был "столп огненный", стал "сервис" и "поликлиника".

Интересно, кто через 200 лет будет читать В. Скотта, Теккерея, А. Франса? - всех этих бесчисленных буржуазных романистов с их бесчисленными буржуазными романами?

Жизнь - бегство от свободы. Но и свобода - бегство от жизни.

Непонимание - тоже способ мышления.

Я могу работать много /по времени, по объему, по упорству/ - но лишь потому, что заставляю себя, а не потому, что хочется, или "интересно", или "что-то за это получу"... А заставляю себя очень редко.

"Новая культура" не сможет стать культурой - для этого ей не достает религии.

Ничтожные люди любят прикрываться великими именами.
"Сам Пушкин так делал!"

Написать бы "жестокую" историю Европы - без прикрас, без идеализации, без умолчания. Вот это была бы история!

Сторонники мира— это непременно "борцы за мир", или "миролюбивые силы", или еще что-нибудь воинственное.

Я— авантюрист, но /по складу характера, что ли/ авантюрист ленивый. И на авантюру соглашусь лишь в том случае, когда ее не надо будет "делать".

Вместо пары "истина-ложь" обратим внимание на пару "узор-пятно".

Жизнь верующего— колыбельная Богу: "Не бойся, Христос, я тебя утешу, успокою..."

Формы современного карнавала: азартные игры, совместная пьянка, баня, "повальный грех"...

13-й век— цветок Европы. После него— лишь "пышное увядание".

Когда я родился, со мной родился "мой потолок", предел возможностей. И всю жизнь— он со мной. Что бы я ни делал— вот он, никуда от него не денешься... Но так ли это плохо? Так ли это плохо иметь "крышу над головой"?

Мир "кусочен" и напоминает пустую комнату в две двери, через которые входят и выходят какие-то люди, звери, вещи... И жизнь кусочна... И даже Бог...

Плохая память— спасение для злопамятных.

В духе не вижу вечного, а в быту— вижу. Какая нелепость!

До хрипоты спорят, а о чем? О том, какие книжки следует читать.

Не устаем жить, поскольку не устаем говорить. "Языком бытия".

В детях хотят как можно быстрее увидеть "маленьких взрослых"... а сами "большими детьми" стать не торопятся...

Во что я верю? В то, что без Бога "ничего не получится". А на самого Бога веры уже не хватает.

Останься дома, останься дома, останься дома!

Такие священные тексты, как Веды, Упанишады и т.п., следует переводить не на современный русский язык, а на церковно-славянский.

Человек- Божья загадка. Бог- загадка для человека.

Настоящий ницшеанец должен ненавидеть Ницше.

Поэзия- "литература" дописьменного периода; проза- ответ на изобретение письменности. Возможность восстановления текста по буквам, а не по памяти, "расслабила" писателей.

Разговоры о бессмысленности жизни так же бессмысленны, как сама жизнь.

Чем жалеть чилийцев, да греков- пожалейте лучше себя!

Все исторические и политические события- лишь рябь на поверхности озера, в глубине которого живет какая-то неизвестная огромная тварь. Лежит она себе тихо, дремлет... но тварь эта и есть "самое главное", самое важное, самое не-пременное.

Для чего идеи современному интеллигенту? Чтобы их высказать. И только.

Немцы начались с греков.

Лежал, лежал- встал. Ходил, ходил- лег. Лежал, лежал- встал. Ходил, ходил- лег. Лежал, лежал- встал...

/день моей жизни/.

Теряя связь с камнем, зверем, цветком, звездой- мы теряем слишком многое. Почти все.

Что смогу выговорить— другому достанется; что не смогу— мое будет. Хорошо явленное, хорошо и сокрытое.

Игра в демонизм. Но и: игра в святость.

Жизнь моя— строительные леса вокруг какого-то дома, которого из-за лесов и не видно. Не знаю даже, есть ли он вообще?

Что значит: понять человека? Нужно ли его понимать? Не важнее ли: понять Бога?

Духовная позиция и есть, возможно, "дело всей жизни". Но людям надобно что-нибудь "ощутимее".

Чего я хочу? Того, чтобы человек доходил до "своего"— сам... без книг, без учителей...

Люди, по большей части, не злы и не добры. Они нейтральны.

Пусть Бог— не для меня, а для других /для зверя, для цветка/. Пусть не для меня Бог, а я— для Него.

Александр был учеником Аристотеля: кто из варваров смог устоять перед логикой, умноженной на войско?

Странное сейчас время: оно торопится в ад. И нас с тобой торопит.

В собственном мнении не больше ценности, чем в любом чужом. Но свое "теплее". Так и душа.

За описание и объяснение мира и человека берутся те, кто даже свою комнату не способны описать, даже муху, пролетевшую мимо...

Я: Бога хочу! а мне: ходи в церковь! Или это не так нелепо, как кажется?..

Вечность = постоянная мода.

Большинство американских писателей произошло из журна-
листов. Лучше бы ими и оставались!

Вся жизнь— лишь ожидание чуда.

И Как муха в липкой бумаге, так я—в мышлении: и рад бы
взлететь, да не могу... увяз.

Мир узловат. Нет верха, нет низа, есть только узлы.

Стареющая культура, как и пожилой человек, обладает
своими преимуществами.

Хочу мыслить и писать так, чтобы "и кухарка меня поняла".

Важнее обрести Бога в настоящем, чем рай в будущем. Бо-
лее того: за Бога в будущем— готов отдать рай в настоящем.

Индусу холодно в Европе, европейцу в Индии— жарко...
В духовном мире есть свои "климатические зоны", свои пусты-
ни и свои тропики. Европейец, обитающий в умеренном климате
"классических форм", не способен нормально существовать в
пустынях религиозной аскезы и тропиках художественного
сверх-изобилия Индии.

Оставим немцам— Канта, грекам— Аристотеля, а себе фило-
софа "по душе".

Каждый хочет кем-то "стать", и почти нет людей, которые
уже "есть".

Любовь к одному вполне оправдывает безразличие ко всем.

Римская литература— литература юристов, чиновников,
политиков, военачальников. Короче говоря, литература де-
магогов.

Наполнив космос личным участием Бога, христиане созда-
ли символический мир, в котором каждая вещь двойственна: в
своем существовании и в Его прикосновении.

Жить короткими перебежками.

Долго и обстоятельно говорю о том, что мне не о чем говорить.

У человека нет никаких прав— но он их придумывает; у человека есть только обязанности— но он их избегает.

На свету труднее закрыть глаза, чем в темноте.

"Формовщик" общественного мнения /от эпохи к эпохе/: святой, священник, философ, писатель, журналист...

За одну мысль держусь крепко, две еле удерживаю, три— валятся из головы.

Сейчас, когда "усыхают" и "урезаются" даже ортодоксальные религии, а вера в личного Бога тускнеет и уступает место безликим светским процедурам, какой смысл создавать новые секты и плодить новые ереси? "Игра ума", приятное и невинное времяпровождение...

Человек трудится "в поте желаний своих".

Никаких жертв— ни ради личного блага, ни ради общественного. Благо не стоит жертв.

"Доказательствами" займусь в старости; сейчас важнее "интуиция".

Порицая "бегство от действительности", под действительностью обычно понимают: город, завод, работу... Но действительно ли это действительность?

Я— не судья другим, но и не подсуден им.

Любая общественная научная теория не столько описывает человека, сколько его создает— и этим ничем не отличается от религиозных учений, политических доктрин и художественных воззрений.

Атлетические соревнования греков /борьба/ есть взаимное ощупывание. Такова же их любовь, таковы их геометрия и арифметика, атомы и космос...

Человек, прочно утвердившийся в мысли о "верхе и низе", в своем достижении "верха" ни перед чем не остановится.

История человечества показывает его полную неспособность к свободе. Наивно полагать, что в ближайшем столетии что-нибудь изменится.

"Россию надо подморозить". Душу тоже.

Большую часть своих творческих и нравственных поступков человек, останься он в одиночестве, не совершил бы.

Взгляни на небо: и тучи на нем, и облака, и звезды, и просинь, и мгла... Так и человек.

Вся моя философия— лишь ряд "остроумных" мыслей.

"Существует две возможности..." Только ли две?

Что первично? А вот что: клетчатая скатерть, дымящийся картофель, плетеное кресло... Все остальное— вторично.

Чтобы грозить Богу кулаком, надо Бога видеть.

/об атеистах/

Жизнь плоха уже тем, что может быть еще хуже.

Каннибализм и самоубийство— лучшие доказательства глубокой самопротиворечивости людской породы. Выпадение человека из мира началось не с греха Евы, а с преступления Каина.

Умолк— но все равно: литературный человек. Только что молчит.

Если смерть существует, то совершенно безразлично: кто палач и когда день казни.

Психология, психология, психология... Чрезмерный, пере-

избыточный наплыв людской психологии.

Кто может все осмеять и все оплакать, редко смеется и редко плачет.

Упадок философии не равносителен упадку мировоззрения, а лишь свидетельствует о смене мировоззренческих форм.

Думаешь, что людям нужен Бог, а оказывается: счастье.

Какие детские забавы- взрослые занятия! Насколько серьезнее их: игры детей.

Чернь строит из себя господ /такси, ресторан, готовые товары и услуги/, но до господ ей никак не дотянуться: полдня работает до одури, до "пота из глаз", а свободное время "не знает, куда деть".

Самое главное, самое полезное, самое трудное, самое грустное: признание в собственной посредственности.

Смысл не стоит слов.

Идеал тоталитаризма: безупречный механизм кукольного театра, в котором и кукловоды- куклы.

Глядя на Распятие, оплачем то убиенное дерево, из которого был сделан крест для Христа.

Смешно надеяться, что отражению в зеркале удастся нас пережить.

Современная интеллигенция воздвигает баррикады- из книжных шкафов.

И радостные игры горьки, и веселье жизни преисполнено грусти и безнадежности. А Бог отворачивается виновато и бормочет: "Ну, ладно, ладно..."

Человек думает о себе: трагик. Оказывается: комик.

Труднее всего размышлять о вещах простых и "очевидных", таких как пояс, окно, нож, яблоко...

Я не хочу свободы. Я хочу Бога. Но хочет ли Он меня?

Как мало у нас возможностей! И как хочется думать, что они все-таки есть.

Существует ли научная смелость? Ведь ученый, по сути своей, человек трусливый. И если набирается вдруг смелости, то не от науки, а от чего-то другого...

Повсюду человек доискивается человеческого.

Священные книги— незаменимый источник идей и гипотез для вдумчивого читателя. Только надо относиться к ним с должным доверием.

Чужая нация подобна закрытому на ключ дому: дергай— ни дергай— все равно не открыть! Вот и берет злость. Но если бы, имея ключи, открыл и вошел, то увидел бы: дом как дом... стол, стул, кровать...

Странные все-таки люди: Руссо, Толстой, Хемингуэй...

Есть множество причин не верить в Бога. Но есть также причины в Него верить. Они-то и мешают.

Когда грудь сдавлена обручами и клепками, даже нежная ласка подобна "шпиу острому".

Все великое в человеке /по существу своему/— условно.

В политике слишком много от детектива: про какие-то забытые Богом страны вспоминают вдруг потому, что там началась война или революция— и появились "свежие трупы". Интерес к политике, не в последнюю очередь, подогревается этими приключениями.

Готов проклясть этот мир, но чего стоят мои проклятья, если я сам проклят вместе с ним?

Наука во многом зависит от способности исследователя подключаться к чужой системе мнений.

Подлинно верующему Бог не нужен.

Русский народ подобен навозу: темный, да теплый. Та же неподвижность, и грязь, и вонь, и доброта...

В устремлении к сущему слишком много от страха перед хаосом.

И камень жалко.

Для выявления национального духа очень полезно обратить внимание на самые простые и каждодневные вещи, такие как кухонная утварь, детские игрушки, интерьер двора...

Темнота = ослепший свет.

Смешно и нелепо слышать от человека уверенные слова о Боге. Он и себя-то толком не знает, да что себя! — букашку последнюю, цветок, звезду.

Евангелие пропитано патологией. Имя этой патологии — дух.

Могу признать силу в человеке лишь после того, как он признается в своем полном бессилии.

Кто такие римляне, в конце концов? Солдаты и театралы.

Домовые были, были лешие, русалки, оборотни... были-но, обиженные человеком, уши, пропали, не попадутся больше на глаза.

Возрадуемся не добродетели нашей, но нашей жизни!

Человека увлекает в толпе самое простое: желание прикоснуться. В самом прямом смысле: телом.

Есть слова, которыми так и пестрят мои записи /человек,

европеец, вера, Бог, я, Женщина.../, а есть такие, которые ни разу в них не встречаются /кожура, провод, бульон, мерзлота, плот.../. Но почему бы не построить философию на подобных словах? Чем они хуже?

Европеец произрастает на почве диалога.

Для серьезности я слишком ироничен, для иронии — чересчур серьезен. "Ни то, ни се".

Люди — столь бездарные актеры, что и Бог, и Дьявол давно покинули "мировой театр", так и не досмотрев пьесы до конца.

Образ литературного творчества: изгнание бесов из человека и вселение их в свиней.

Профессия и положение наполняют человека такой самоуверенностью, так его "раздувают", что он совершенно забывает об их "защитном" происхождении.

Пишу не для "истины", а просто "мысль пришла".

Жена в семье — словно храм в переулке: никак не отойти, чтобы полюбоваться издали.

Убедившись, что моральный прогресс человечества "не имеет ~~никакого~~ места", стали с гордостью говорить о научно-техническом прогрессе. Но какое нам до него дело?

Отношение римлян к грекам напоминает отношение европейцев к евреям: здесь и уважение, и неприязнь, и зависть, и ненависть...

Когда люди молятся, они хоть не сражаются.

Европейский спорт — детище и зеркало европейской духовности; вместе с ней он разделяет идиотические черты механического повторения.

Вся история России: князья-варяги, крещение из-под кну-

та, Золотая Орда, Петр-самодур, немцы-управители... И единственное "светлое пятно": масленица!

Люди столь рьяно отстаивают свое право на истину, что начинаешь догадываться: дело не в истине, а в этом праве.

Казалось бы, что именно атеисты, не верящие в загробную жизнь, должны с уважением относиться к жизни на этом свете. Как раз наоборот! Они-то и оказываются к ней самые безразличные.

Я так привык к "осадному положению", что останусь в нем и "после снятия осады".

Сильная боль /как и глубокое наслаждение/ настолько заполняет собой человека, что полностью отрезает его от мира и других людей.

Загнанный зверь становится бешеным.

Бедная природа! Дети твои так и норовят заглянуть тебе под юбку, стащить платье, содрать кожу, истолочь кости...

Как стон, не унимая боли, облегчает ее; так и искусство, не снимая тяжести жизни, дарит человеку роздых.

Порой духовный тупик, в который мы попадаем, настолько абсолютен, что все выходы из него представляются лишь ответвлениями этого тупика.

1972 г.

Отрывки из 2-ой тетради.

Книги ничему меня не научили, жизнь тоже. Последняя надежда: "своя душа".

Человек в этом мире— гусеница на листе: лист видит, а дерево— нет.

Мы узнаем о свободной воле лишь для того, чтобы опла-
кать ее отсутствие.

Всякая вещь полна потаенного смысла, но не через саму
ли вещь он выявляется? Именно через нее, а не через соборные
и личные толкования, "объясняющие" одну вещь через другую.

Вера столь же естественна и насущна, как "есть хочу".
Почему же "есть хочу" не подвергается критике и не принимается
в штывы, а "верить хочу" вызывает усмешку и требует обос-
нований?

В жизни мы бегаем по кругу, и самый отставший нередко
оказывается впереди всех.

Мои мысли и чувства— не мои, а лишь проходят через меня.
Нет "моего": все "через" и ничего "мое".

Прекрасны: совместное горе, совместное наслаждение. Но
они и невозможны.

Как важно быть любимым!

Смешать высокое и низкое, умное и глупое, старое и но-
вое— и устроить винегрет! Никаких различий: все важно, все
нужно, все преисполнено двусмысленного смеха и плача.

В музыке я открыл образ своего несчастья. И, поняв это,
перестал слушать музыку.

И с женой жить— словно без жены.

/об истоках поэзии/

Вера предшествует существованию.

У Европы был Христос, было христианство, но христиан почти не было.

Сомнение во всем— не меньшая ортодоксия, чем любое верование. И как оно, к тому же, комфортабельно, самонадеянно, однообразно!

Поменьше вспоминать о дьяволе и Фрейде.

Глубина связана не столько с пространством или водой, сколько с зеркалом. Пространство допускает приближение к удаленным предметам; в зеркале они принципиально удалены и неприкосновенны.

Свое мнение всегда "фантастично" и непроницаемо для фактов, реальности и мнений чужих. Подлинная жизненная позиция вырастает "из себя", а не из условий жизни. Такова же подлинная поэзия.

Слова мои так относятся к мыслям, как облако, высеченное в граните— к облаку в небе.

Смерть подобна чуду: она так же внезапна и неожиданна. Горькое, но все же чудо.

Тайны нет, как нет и греха: все можно совершить, все можно высказать. И значит—дело не в грехе, а в страхе перед болью любимых людей.

Литературный перевод не должен быть точным. Более того, он не должен быть достоверным.

Вечное, вечное, вечное: не то, не то, не то...

Вся греческая мифология: кто с кем? /сражается, совокупляется/.

Тайна желанна ради многословия: ни стыд, ни страх здесь ни при чем.

Моя жизнь есть непрерывное, безостановочное редактирование: то зачеркиваю прожитое, то возвращаюсь к нему опять, то зачеркиваю вновь. Вся жизнь — лишь черновик: текст вымбран, варианты перечеркнуты, сверху и сбоку лица и слова... и ничего не разобрать — ни цели, ни смысла, ни результата... один измаранный черновик.

Грибница ли — часть гриба, или гриб — часть грибницы? Что внутреннее во мне и что внешнее? Не есть ли душа моя — внешность, а мир вокруг — мое нутро?

В познавании словом скрывается какая-то жесточенность и злоба. В узнавании: восхищение и очарование.

Европейский секс сверху донизу пропитан медициной и гимнастикой — ни поэзии, ни религии, ни эротики, ничего живого...

Тупик — не только то, к чему ты пришел, но и то, от чего можешь отойти.

Истинная фантазия непоколебима.

Дело не в том, что "жизнь — игра!" а в том, что нас принуждают играть в игры, к которым у нас нет ни малейшего желания.

Греческий "рок" явно придуман переводчиками.

Я привязан к миру и людям не более, чем колючка репейника к овце, за которую случайно зацепилась.

Метафизика трамвая.

Интуиция = карантин с неожиданным исходом.

Образцы **■■■■** культурных пошлостей: В жилах Ницше текла славянская кровь... Талантливый Веневитинов умер в 21 год... и т.д.

индийских

В многоруких и многоголовых богах — указание не столько на движение мира, сколько на его принципиальную "многотелость",

Писание, как и вязание, дарит спокойствие. И не в написанном деле, а в самом письме /перо в руке, знакомые буквы, строчки слов.../

Всеми своими "достижениями" я обязан плохой памяти.

Бог прячется, чтобы мы его искали. И вот, разыскивая Бога, мы находим ангелов и демонов.

Для того ли я родился, чтобы вопить о своем несчастье?

В жизни из дурного нередко проистекает хорошее, из хорошего — дурное, и никогда неизвестно наперед: когда, и как, и что, и в какой мере?

Есть люди /и эпохи/, которые свою пошлость, близорукость и провинциальность выдают за "вехи прогресса" и "маяки культуры".

Искусство любви достигается лишь с думой о живом: сквозь любовь просвечивают боги и богини...

В "Калигуле" Камю лишь одного не достает: распятия с лампадой.

Мое воображение = чужие голоса, доносящиеся из меня.

С постройкой первого дома началась частная жизнь: Каин — первый индивидуалист.

Когда Бог перестает быть проблемой, проблемой становится все.

Свободный Борджиа и тот опасен, что же тогда говорить о свободном Смердякове?

Эстетика как часть экстастики.

Новой идее подобает быть "острой". Впрочем, не обязательно.

Я рядом, рядом, рядом... и вот уже далеко. И поразительная тоска по оседлости. Не по оседлости даже— по "корням".

Слишком много страданий приносят людям наши поиски.

Россия— опять провинция.

Есть книги, которые читать на свежем воздухе просто невозможно.

Жить с людьми— ехать в переполненном трамвае: все возбуждены, устали, недовольны... стоит чуть повернуться— как наступишь кому-нибудь на ногу /или тебе наступят/...

Бог создал мир, дьявол— время.

Живой человек раскрыт и внушает нам беспокойство, мертвый— завершен и успокаивает. С мертвым⁴ проще, они такие "греческие"...

Не сравню свой дух с "парящим орлом", но что-то птичье в нем несомненно есть: подобен он, пожалуй, мелкому и неугомонному воробью, который прыгает, порхает, клвет там и сям, чирикает...

Корни в пустоте.

Что ни немец, то миссионер или военачальник: Лютер, Фридрих, Бисмарк, Ницше, Гитлер, Швейцер...

Два момента полностью обесценивают принцип накопления: неизбежность смерти и недостижимость бесконечности.

Что это за Бог такой, который без конца нам тычет в нос свое могущество и свободу, лишив нас и того и другого!

Много уже лет не имею никакого желания спорить. Ни с кем. Ни о чем.

У ножниц есть своя метафизика, как есть она у зеркала, у окна, у колеса...

Абсурд- отец авантюризма.

С деньгами люди знают, что делать, а со временем- не знают. И я не знаю. Но все же: время очень нужно и "дороже денег".

Мне стыдно "познавать самого себя". А еще стыднее: познавать других.

                                гениев,
Лучше тирания, чем демократия бездарностей.

С горечью думаю порой: для того ли я родился, чтобы стать математиком /социологом, переводчиком, писателем/? Неужели для этого? Как-то не верится... и становится смешно и страшно.

Каждому пожелаю обрести Бога; но как они горды, обретшие Бога, как невыносимы в своем непонимании других, как простодушны в своих благочестивых советах!

Игра не стоит свеч, цель- усилий, жизнь- страданий.

Основное занятие европейцев: поиски виновных и их наказание. Только виновные все время разные: дьявол, природа, цивилизация, Бог, нация, класс, сам человек... Европа- огромный "детективный роман".

Зло первично, но добро божественно!

Остроумие /как и смех/- явление социальное. Одинокий человек не смеется /разве что "по старой привычке"/, его обычные спутники: страх и надежда. Олимпийцы смеялись, Христос плакал.

Для того, чтобы жить, следует оставить вопрос о смысле жизни где-то в стороне.

Человек вопрошает, мир молчит... человек вопрошает, мир молчит... человек вопрошает... А почему бы ему и не замолчать наконец?

Есть ли смысл убивать зверей, для того чтобы спасти людей?

Хочу видеть вокруг улыбки, а вижу гримасы. Одна из них-моя.

Звездное небо- первый образец незыблемого миропорядка. По этому образцу и строились царства. Неудивительно, что Кант увидел в звездном небе аналогию "моральному императиву".

Возвысить смысл до вымысла!

Бог есть "не то, не то, не то..." Следовательно, заключает европеец, Бог- бесконечен, всемогущ, всеведущ... Но ведь и это: то, то, то. А Бог есть "не то, не то, не то..."

Привычка задавать вопросы- детская привычка, сквозь которую проглядывает фигура отца, который "все знает".

Жизнь- фарс на сцене, где в актеров то и дело постреливают из зрительного зала.

Нелепо полагать, что чем больше мы обнажим, тем больше пойдем.

/о поиске первопричин/

Жалок человек, жалок! Жалок он и сам по себе, и при любых обстоятельствах, но когда вздумает свое "величие" явить- жалок втройне!

Что может сказать нам история? Чему научить? Ничего. Ничему.

Эпикур- ближайший к Индии грек.

Ищешь красоту- находишь глупость. Ищешь ум- находишь уродство. И всегда так: находишь совсем не то, что ищешь.

Хам никого не боится, хам боится только начальства.

"Бездна в моей душе". Но почему- бездна? Почему не боч-

ка? или не болото?

Я и в этой-то жизни не забочусь о будущем, так пристало ли мне заботиться о "жизни будущей"?

Европейцы любят не столько обнаженное тело, сколько тело обнажающееся; им нужен "процесс", а не неподвижность; вот этот "процесс" они и усматривают в полу-обнаженном теле.

/о стриптизе/

Жизнь, в конечном итоге, есть полное отсутствие всяких итогов.

Пишу о многом, но все- об одном!

Наблюдение за историей с расстояния времени совпадает с наблюдением за своей собственной исторической теорией.

Грек борется с греком /гимнасты/; иудей- с Богом /Иаков/.

Какое доподлинное горе: не переспать со всеми женщинами! не переговорить со всеми мужчинами! не перегладить всех собак и кошек! Как хочется уничтожить за это весь мир- и остаться одному в пустыне.

Что делать людям неталантливым? Как жить!?

Богиня нужнее человеку, чем Бог. Но с Богиней он не создал бы ни общество, ни культуру.

Не желаю видеть сны. Не желаю- и все тут!

Аскетизм есть символическое уничтожение мира.

Если желать творчества как изливания и переизбытка мира /а не как его недостатка и компенсации/, то надобно сперва мир полюбить, а лишь потом- творить.

Скучна и проста канва жизни. Нам ли расшить ее пестрым узором?

Скоро будем радоваться тому, что дышим.

Католицизм скорее запугивает человека, чем доподлинно жесток к нему.

Нельзя смотреть человека насквозь, "как стеклянный сосуд". Даже если можно— все равно нельзя!

Чем ближе к действительности, тем дальше от нее.

Все мои писания— не в счет. На самом деле, я молчу. Молчу, молчу, молчу. "Стена молчания".

Христианин многое прощает человеку, но одного простить не может: его нехристианство.

Гляжу на тело, а вижу скелет. Откуда же здесь взяться "радости жизни"?

Евнух— "эссенция" ближневосточной тирании: один мужчина настолько возвышается над другими, что заставляет их служить себе в не-мужском обличи. Не в этом ли сокровенный смысл любой тирании: всех женщин упрятать в свой гарем, всех мужчин превратить в евнухов?

Что может сирота? Найти отца? Нет. Но что же тогда? Родить сына!

/O Боге/

Культура требует жертв. Одна из них: обращение человека в писателя.

Плохая память спасает меня от прошлого, недоверие к утопиям— от будущего. И вот, спасенный— я абсолютно не спасен "в настоящем"!

Бог где-то рядом: не вижу, не слышу... но чувствую: рядом!

И конец мой, и начало— скрыты от меня. Но и "середина"

видна не более.

Человек хочет быть услышанным. Возможно, в этом— его слабость, но не поняв ее, мы многое не поймем в человеке.

Ничто не спасет нас от смерти: ни геометрия, ни собирающие марок.

Чем богаче страна, тем значительнее разница между людьми, тем больше среди них взаимной зависти, недовольства, несчастья, боли...

Любая идеология граничит с утопией. В этом— сила и слабость идеологий.

Пути Божии неисповедимы: неисповедимы Его пути не только к человеку, но и к зверю, к птице, к цветку... Нам остается лишь догадываться о них— и благословлять: зверя, птицу, цветок...

Возможно ли незаинтересованное мышление и бескорыстное сознание?

Патетика физиологической лени.

Наша интеллигенция больше говорит об искусстве, чем занимается им. И всякий имеет "свое мнение", словно в этом заключаются вся жизнь: высказать свое мнение— и умереть.

Устал спрашивать: Зачем жизнь? Зачем смерть? Зачем "зачем"?

Молодая девушка— сгусток современности. За это и не люблю ее.

Диалектика— не столько взгляд на мир, сколько его отсутствие. Или оправдание такого отсутствия.

Что легче: смеяться над трагедией или плакать над комедией? И если первое, то почему?

Главный московский храм назван в честь юродивого /Василий Блаженный/. В этом вся Русь.

Боюсь читать хорошие книги: боюсь, что обворожат, очаруют, увлекут...

Есть крепости, которые не следует брать ни штурмом, ни осадой: лучше просто обойти их стороной— и они падут сами по себе.

Человек нередко становится миссионером из боязни остаться в одиночестве.

Добро отделено от зла тончайшей преградой, имя которой: человек.

Мир мигает /т.е. живет/, и мигая в такт ему, я вижу или сплошной свет, или одну темноту. Но в глаза широко раскрытые и неподвижные врывается дыхание мира, его ритм, биение и сумятица.

Подобно увеличительному стеклу, собирает человек свой дух "в точку"— и, обретая подлинную веру, воспламеняет мир вокруг себя.

Стоит ли убивать друг друга, если мы умрем сами по себе?

Почему человек раньше торопился? Чтобы успеть спастись. А сейчас почему торопится? Непонятно.

Был "падший ангел", но был ли "вознесшийся черт"? Почему движение "от ангелов к чертям"однаправленно и необратимо? Впрочем, в людском мире ударение делается как раз на обратном восходящем потоке /раскаявшиеся грешники/.

Во мне терпения нет. Точнее: терпеливости /терпения для конкретных дел/.

Строить машины или писать стихи. Вот, по сути дела, и все выборы в наше время.

Истинный поэт должен быть неверующим!

Христианство, противопоставив зверя человеку, создало фантастическую психологию животных, основанную на совершенно произвольной концепции "злого зверя".

Творчество— иллюзия людского богоподобия. Но люди— не боги, и тварь— не творец.

Душа моя подобна камням в саду. В ней нет огня, воздуха, ветра... Просто камни в саду.

Лучший способ ускользнуть от настырного европейца: не заявлять о себе. "Нет меня".

Всегда существуют два устремления: видеть все единым и видеть все разным. Порядок и беспорядок— два полюса. Между ними— человек.

Самое интересное и запоминающееся в жизни: неудачи.

Человек страдает, мучается, задыхается... А публика похихикивает: "Ничего-с. И от негождемся собрания сочинений!"

Цитатные кавычки— пережиток буржуазного авторского права.

Оставим Америку американцам.

Свобода, находящая себя в воплощении, опасна: это конец свободы. Свобода, лишенная воплощения, сомнительна: это иллюзия свободы.

Успокойся, мы уже спасены.

Спрашивай себя чаще: доброе ли мое добро?

Что такое современная русская духовность? Сотня прочитанных книг, десяток написанных стихов, да пьяные застольные разговоры о Боге.

Труд не есть спасение, но он спасает.

Мир, полный душ и тел.

/об Индии/

Русскому куда важнее "по правде жить", чем "для сынов работать".

Вся моя жизнь— сплошная цитата /и комментарии к ней/.

Религия, основанная на фигуре Отца, постоянно внушает мне подозрения: уж слишком исстрадалось наше время— по причине отцовской воли!

Поэт видит в звездах бесконечность таинства; ученый— непрерывность познания; философ— абсолютность порядка.

Как-то неловко писать книгу толще 200 страниц.

Чтобы понять друг друга, нужен или общий язык или общее молчание.

Хороший писатель обладает смелостью писать о других— как о себе, а о себе— как о других.

И только женщины по-прежнему красивы!

Поживу—поживу, да и умру. И не только я.

Русская интеллигенция— пасынок "матери—родины"; блудный сын, который без конца "возвращается" и которого "все не принимают".

Пожар в пустыне.

Пафос работы, навязанный русскому человеку, ему чужд— и вряд ли долго продержится. В отличие от немца, русский никогда не соотносил работу со своим религиозным спасением.

В темноте лучше слышно.

Наша ошибка состоит в том, что мы всерьез занимаемся смыслом, вместо того, чтобы улавливать его "краешком глаза".

Словно куры, разбежавшиеся из курятника.
/идеология 20-го века/

Концепция спасения— лишь ширма, отделяющая человека от проклятия.

Насколько полно и достоверно просвечивает в окружающих нас частностях и мелочах— общий дух эпохи! Как красноречивы: асфальт, "дневное" освещение, крупноблочные дома...

Такой страшный мир, что и Христу в нем страшно.

Любой мудрец хорош; и совершенно неважно, чему он учит.

Симметрия есть зрительный образ противостоящих друг другу "подобных" тел /схватка гладиаторов, дуэль/. Иаков, сбитый с толку библейским "образом и подобием", схватился с Богом как с равным. Вот и охромел, утратил свою "симметричность".

Лежу тихонечко на печке: то открою глаза, то закрою, то потолок передо мной с трещинами и пауками, то радужные круги и искры... Так и живу.

Великие американские писатели созданы американской критикой, пожелавшей иметь в Америке великих писателей.

Первый и главный вопрос об умершем: куда он делся? И недоумение: исчез куда-то, "ушел"... И решение: пойду поищу!

/путешествие в фольклоре/

Как боязнь наслаждения, так и стремление к нему— свидетельство недостаточной освобожденности человека.

Я всегда "здесь", с тобой, и не могу заблудиться. Чтобы заблудиться, надо иметь что-то "там", вне себя. А у меня "все здесь", а "там" ничего нет.

Зло и добро разворачиваются сходным образом, и постигший одно из них — вполне постигает другое. Не удивительно, что Люцифер был ангелом.

Нет, наверное, большего горя, чем, отбросив иллюзии, увидеть себя ясно и отчетливо: человеком заурядным, скучным, неверующим...

Я никого не хочу обидеть, и если обижаю порой, то без всякого злого умысла: от неуклюжести.

Одни мысли подобны высоким деревьям, другие — бегущим вниз колодцам, третьи — обглоданным костям. Но есть мысли — словно прохладные белые ладони из темноты... прикоснуться к горячему лбу и исчезнут... Всегда внезапно, всегда неожиданно: появятся, прикоснутся, исчезнут...

Я всегда "отмахиваюсь" от мира: неважно, бог с ним! — и живу в каком-то музыкальном ожидании, которое с этим миром никак не связано.

Современность подобна сухой смоковнице: с виду — жизнь, на деле — смерть.

Очень важно: не быть причастным к себе. "Будто не я".

Официальные доктрины современности приветствуют регулярность; частные доктрины — хаос. Но что может быть опаснее для человека, чем регулярность или хаос?

Пусть я не верю, но зато спокоен. И, быть может, одно стоит другого.

О, это проклятое Оно, скрытое за ширмами любой метафизики. Как хочется, чтобы: Ты, Ты, Ты... — но по-прежнему и без конца: Оно, Оно, Оно!

Духовные люди нередко наделены нелепым чувством превосходства над прочими, "недуховными". Как будто бы тот или

иной добавок "духовности" способен что-то изменить в абсолютном ничтожестве человека!

Не знаю, что мне делать в "прекрасном мире"? Боясь, что трону что-нибудь не там, разобью, сломаю...

Как интересны дети! А вырастут: чиновники, офицеры, инженеры... В чем дело? Кто виноват?

В серьезности- свой пафос, близкий к религиозному.

Охотнее всего о прошлом и будущем размышляют люди с непосильным, невыносимым, надорванным настоящим.

Мысль ходит по кругу, человек ходит по кругу... Даже круг ходит по кругу.

Раннее христианство тут же стало "старческим" /аввы, отшельники, святые/. Плотная толпа стариков окружила Деву с Младенцем: какое несоответствие, какая двусмысленность!

Наше время, наша эпоха... Чья это "наша"?

Всё говорят: цельность души, собранность духа... А ведь и рассеянность- ничуть не хуже. И даже замечательна своей неожиданностью.

Не я- в Боге, а Бог- через меня, и плач Его без меня есть плач предсмертный, а мой плач без Него- плач бездетный. Как мать без дитя, так и я- без Бога: душа моя без Него тверда и бесплодна, и любви моей не на кого излиться.

Призраки, которых мы испугались в детстве, преследуют нас всю жизнь.

Есть люди, которые любое воззрение осваивают не иначе, как книжную доктрину. Даже дзен они умудряются воспринять именно так!

Посадили на яйцо и велели высидивать, а чье яйцо — не ска-
зали, и что из него высидится — тоже неизвестно. Может быть,
воробей, а может, страус. А может, оно вообще пустое.
/моя жизнь/

Современной духовности более всего угрожает стилизация.

Как не устали люди от этой бесконечной лестницы с "над-
ставными" ступенями!

Православие не случайно пыталось заменить Бога-отца и
даже Христа — Богоматерью и святыми.

Форму придумали греки.

Труд отгораживает человека от человека, но дает общие те-
мы для разговора — и тем самым "объединяет".

Отважимся на жизнь без биографии.

В то время, как религиозный обряд является частью жизни,
театр ей противостоит и, выступая "двойником" жизни, раскры-
вает свою и ее двусмысленность.

Человек — социальное животное, и в силу этого — животное
опасное.

Боюсь ли я смерти? Не знаю. Если и боюсь, то как боятся
зубной боли: нет — не думаю, есть — тихо вою.

Почему нас так волнует общий язык? Почему нас волнуют
"другие"? В чем суть и пафос взаимопонимания? Действительно
ли оно так необходимо?

Жизнь — не путь, а дыхание; и не странник человек, а дере-
во.

Можно ли построить культуру без религии? Или без религии
ей всегда будет "чего-то" не хватать? Возможна ли подлинно
глубокая и духовная светская культура?

Бог незыблیم и недвижим, и отпадает от нас лишь по причине скользкого пути к Нему да наших скользких сердец.

Толстой и Чехов на одной фотографии: Толстой-генерал рубит ладонью по воздуху, вещая какую-то истину, а Чехов сидит спокойно в кресле и слушает.

Стоит студенту учуять в себе "духовность", как он принимается за изучение философов. Кого же он изучает? Немцев. В лучшем случае, греков. И вместо того, чтобы "познавать самого себя", познает немецких и греческих философов.

Природа мстит людям руками людей.
/об Эйнштейне/

Нынче человек — весь, целиком — выносится на сцену, равномерно залитую светом всеобщей осведомленности и дознания. и обращается в плоскую поверхность, безынтересную в своей прозрачности и текучести.

Дилетанты тоже пользу приносят. Христос был дилетантом.

Обычный порядок вещей таков: человек живет, работает, любит, творит... и наконец приходит к мысли об абсурдности своего существования. Но возможен и обратный ход: осознав универсальность абсурда, человек начинает творить, любить, работать, жить...

Мои записи подобны естественной нужде: как приспичит — так и сажусь за тетрадь.

Господь простит! Впрочем, и прощать — то, собственно, нечего...

Как это можно: всю жизнь проходить на цыпочках! Слишком возвышенная жизнь всегда казалась мне подозрительной и отдавала литературой.

Уподобимся глухой роженице: она слышит лишь внутри себя, но это внутри — живой человек!

Слово рождается у меня "от безделья": не мысль творит слово, а безделье, лень.

Писатель/реалист видит в людях лишь материал для своих романов. Как это ужасно!

Мало званых, да много избранных.

/о ницшеанстве/

Все мировые религии основаны на принципе спасения. А если я не хочу спасаться?

Лучше совершать собственные ошибки, чем повторять ошибки чужие. Лучше заниматься русской литературой, чем немецкой филологией.

Человеку трудно поддержать свой порыв к Богу без зримых образов: он боится, что без них Бог обратится в Дьявола.

Книга- одна из форм "воли к власти" /эпидемическое подчинение читателей/. Русские, думаю, могут обойтись и без книг.

Зло подобно чуме: борьба с ним обрекает на заражение.

Лишенный вдохновения проповедник вдохновения.

/о себе/

Чего во мне больше всего? Слов. Язык- самая деятельная часть моего тела, и то, что я не участвую в разговорах- ровно ничего не значит. Если я превращусь когда-нибудь в дерево, это будет шепчущее дерево.

Допустим, что звезды можно зарабатывать ослиным трудом, и никак иначе. Что, в таком случае, лучше: остаться без звезд или превратиться в осла?

Молчание учит правильной речи.

Почему у меня слова невеселые? И лицо веселое, и душа... а вот слова- невеселые...

Чувство и жест- основа всякого искусства, и в равной степени опасно как пренебрегать одним из них, так и его преувеличивать.

Готов отдать свою душу дьяволу, если получу в обмен за нее- Бога.

На определенной стадии духовности человек отказывается не только от деятельности, но и от созерцания.

Чтобы обмануть людей, надо прежде всего убедить их в своей честности.

/о Толстом/.

В чем опасность остроумия? Да в том, что твои остроты будут повторять на каждом углу. Лучше быть тугодумом.

Единение с Богом через подражание страстям Христовым или через поклонение им- совершенно не привлекает православных верующих.

Для обучения дети знают очень многое, с обучением- все забывают.

Музыка- "авторитарна" в том смысле, что требует полного и безоговорочного подчинения и "подключения" слушателя. Кроме того, в музыке /особенно в немецкой/ скрывается то самое злое Оно, которое присутствует, скажем, в математике.

Мой путь не мечен следами. Значит ли это, что его не было? Пожалуй, что и не было.

Пусть лучше один голос говорит о разном, чем разные- об одном.

/о радио/

Хихикающие скептики не менее утомительны, чем хихикающие девицы: утомляет однообразие их реакции на все многооб-

разие мира: Хи-хи!

Про религию говорят: бегство от действительности. Но почему бы про действительность не сказать: бегство от религии!

Если невозможно проникнуть жизнью в жизнь, то можно жизни переплести.

Когда-то за человеком охотился человек, и это было человеечно. Нынче за ним охотятся системы, структуры, функции, механизмы, организации...- и это ужасно! и бесчеловечно!

Желание Фауста "остановить мгновение" означает, что он "плыл в мгновениях".

Для таких авторов, как Роллан и Рерих, всякое слово берущих с большой буквы, нет языка лучше немецкого.

Миф- корень и узел бытия. Никакое житие, в силу своей историчности, не идет в сравнение с мифом. Однако есть в житии та теплота и мягкость, которой миф нередко лишен.

Почему звери и деревья не мстят человеку? О, если бы осмелились! Но они- добрые. Из-за этого и погибнут.

Петербург- явление не географическое, не политическое, не социальное, и даже не психологическое. Петербург- явление психиатрическое.

Если Бог даст мне веру- я ее приму, но с радостью ли? Неверие тяжело, но оно- "мое", привычное, выстраданное. "Жалко расставаться".

Чему научила меня западная философия? Ничему. Что я сумел усмотреть в ней? Род службы, времяпровождение...

Идиотизм одного человека может оказаться гениальностью, но идиотизм миллионов навсегда останется идиотизмом.

Какое нынче подполье? Чуть расслабишь галстук- и все подполье...

Удивительнейшая способность человека: выдавать свои поражения за победы.

Что такое "мои мысли"? Сплетни души. И постоянное ощущение, что "чего-то не хватает"...

Христианство- несравненно более действ~~ительное~~^{енное} и остроумное средство для "сверхчеловека", чем ницшеанство: призывая людей к смирению, оно расчищает дорогу для призванных к господству.

У глаз моих нет памяти: я забываю прекрасные лики мира, но помню, что и они являлись мне когда-то...- когда? где? в каком облике?

Бесконечны вариации на тему "прежде и теперь".

Европеец- путник. Все для него: путь, движение, развитие, устремление... Настоящая мания.

В каждой комнате- голубой костер инквизиции.

/о телевидении/

Уподобим дух дереву: пусть растет, но не движется.

Человек занят не столько своим существованием, сколько его условиями, и напоминает этим природу, которая, расстратив все силы на создание жизни- самой жизнью так и не занялась.

Возможно люди и не болтливы. Однако они всегда говорят: не то, что надо, не там, где надо, и не тому, кому надо.

Если вокруг одна пустыня, то не все ли равно: идти или стоять?

Оплакивают бедность, смерть близких, уход любимой...

а почему не оплакивают свое безбожие?

Как горько все-таки узнать, что жизнь- необязательная штука.

Ницше, как психологический тип, удивительно похож на Толстого; Руссо- на Достоевского. А казалось бы- "совсем разные люди".

Жить без вины- и выйти из западного общества, построенного на ощущении виновности.

Греческая симметрия замкнута и пластически воплощена в однофигурной статуе: ее образ- шар. Иное- индийская гармония: разомкнутые, танцующие, соседствующие тела. Образ- дерево.

Не знаю, зачем жить. Но и не знаю, зачем не жить.

Людей ровно столько, сколько любимых: все остальные- фигуры.

Творчество писателя нередко является описанием собственного невроза или попыткой от него избавиться: какое, казалось бы, до этого дело читателю? Оказывается, есть: неврозы-то общие!

Камень, Бог, человек- явления одного порядка.

Бывают времена, когда лень оказывается положительным качеством.

Афины мало чему научили Европу, но успех Спарты здесь несомненен и очевиден.

Мысли мои все-таки близки к словам, и выражать их словами естественно. Но природа, люди, любовь, Бог... как о них говорить словами?

Кукла приучает ребенка видеть живое даже в неживом. Механическая игрушка, напротив, и с живым обучает обращаться как с неживым.

Ультра-западник: даже "Свет с Востока" приходит к нему с Запада.

Немой- вне нашей цивилизации: он, чувствуя боль и радость, ничего о них не говорит- и потому: другим "не нужен".

Люблю свободу, но и бочку не встречал еще без обручей.

Пусть человек зол, и вообще- паук, но когда один- даже интересно... А если пауков- сотни, тысячи, миллионы, толпящихся, теснящихся, пожирающих друг друга!

Борьба с врагом питает и возобновляет его.

Природа безразлична. Пусть так. Зато и бескорытна.

Ребенок играет в те игры, которые любит; взрослый любит те игры, в которые играют.

Помимо болтливости языка существует болтливость духа.

От Парфенона до крупноблочных домов не так далеко, как может показаться. Но совсем иное дело: индийские или готические храмы.

Отношение европейца к Богу напоминает отношение голодного к еде- пока голоден- ест, когда насытится- пренебрегает.

Что такое духовность? Я не знаю, что такое духовность. Честное слово, не знаю.

Поступки богаче мыслей: они сопровождаются неподвижным.

"Долг" каждого интеллигента: иметь свое мнение о Платоне, Шекспире и Достоевском.

Индуизм- школа свободы.

Не является ли даже тяга к абсолютному- лишь одной из людских условностей?

Я- не лучше камня, но и не хуже Бога. Более того: я- хуже камня и лучше Бога!

В наше время совсем разучились говорить: или молчат или спорят.

Души у меня, возможно нет... но боль есть. Или боль- это и есть моя душа?

Жить без отцов.

Говорит ли мне Бог?- не слышу. Сам когда говорю- слышит ли Он меня?

Что может быть прискорбнее, чем "воплощать собой эпоху"?
Ничуть не лучше, чем "модно одеваться".

И вот кто-то где-то как-то живет... Как удивительно!
как грустно!

1972 г.